

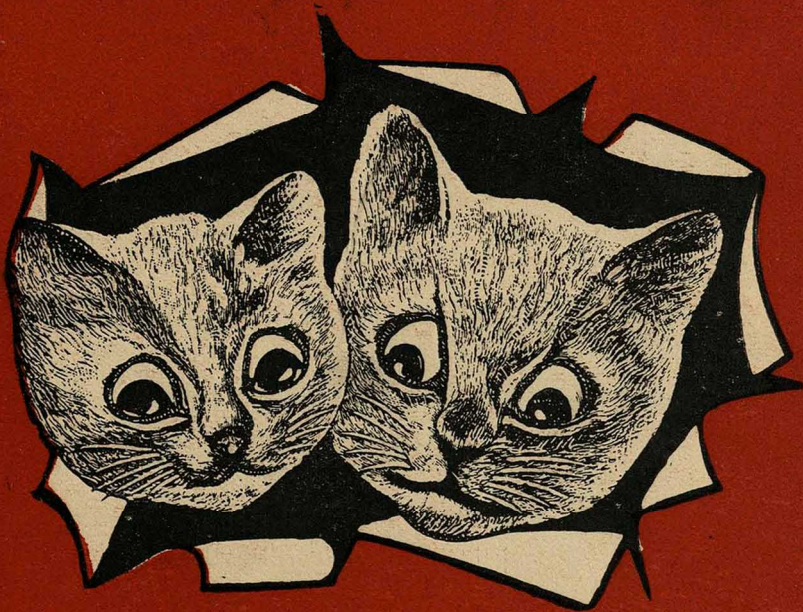
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

МАЙ.

№ 14.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

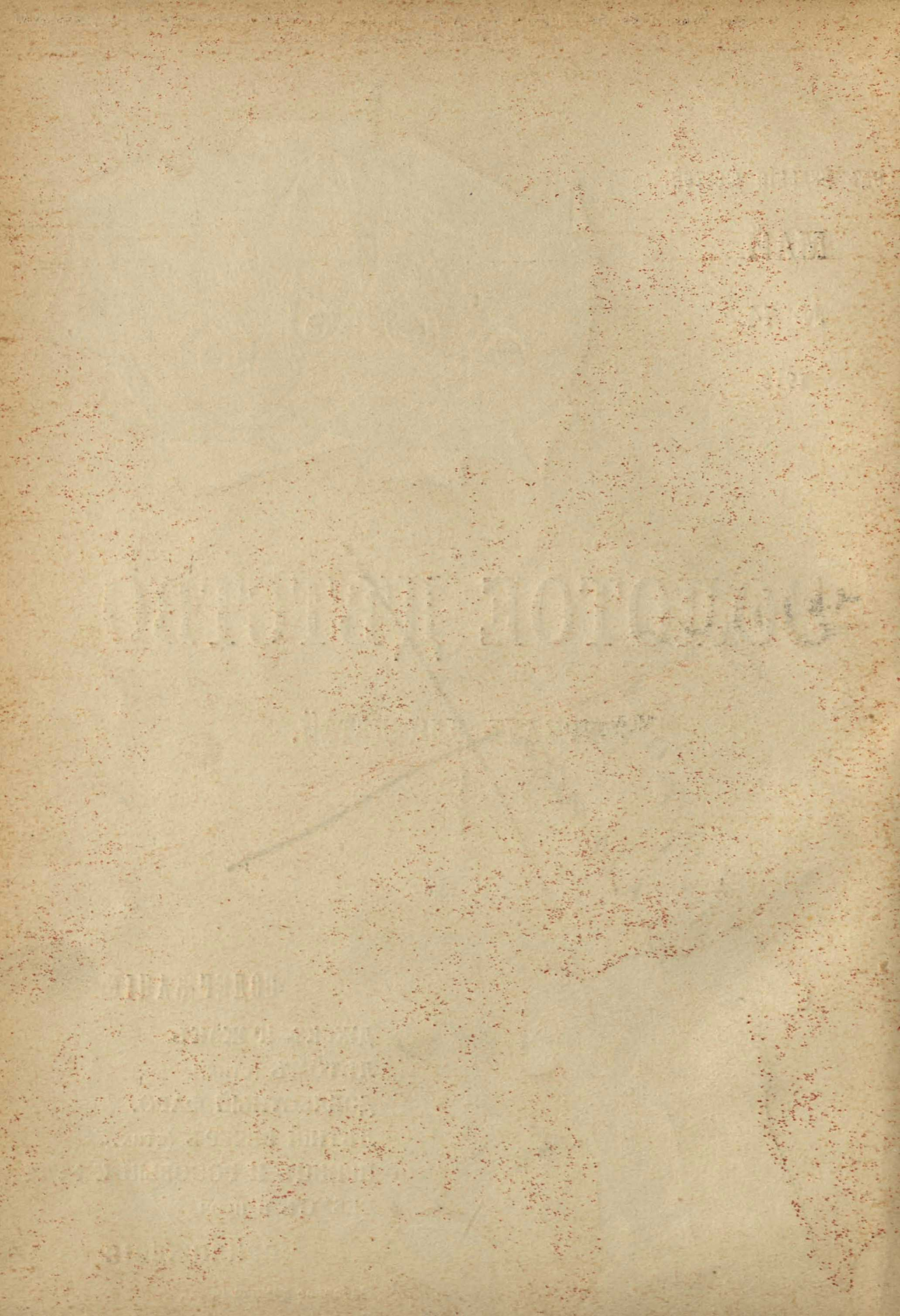

СОДЕРЖАНІЕ:

ДЖЕКЪ И ЖАКЪ.
ЛЪТОМЪ (стих.).
ДОБЛЕСТНЫЙ ФАРО.
ЛЪТНІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
ПРИНЦЪ И РОЗОВЫЙ К УСТЬ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Забавное домино (игра).
Выкройка лифчика для дѣтей (6—8 лѣтъ).

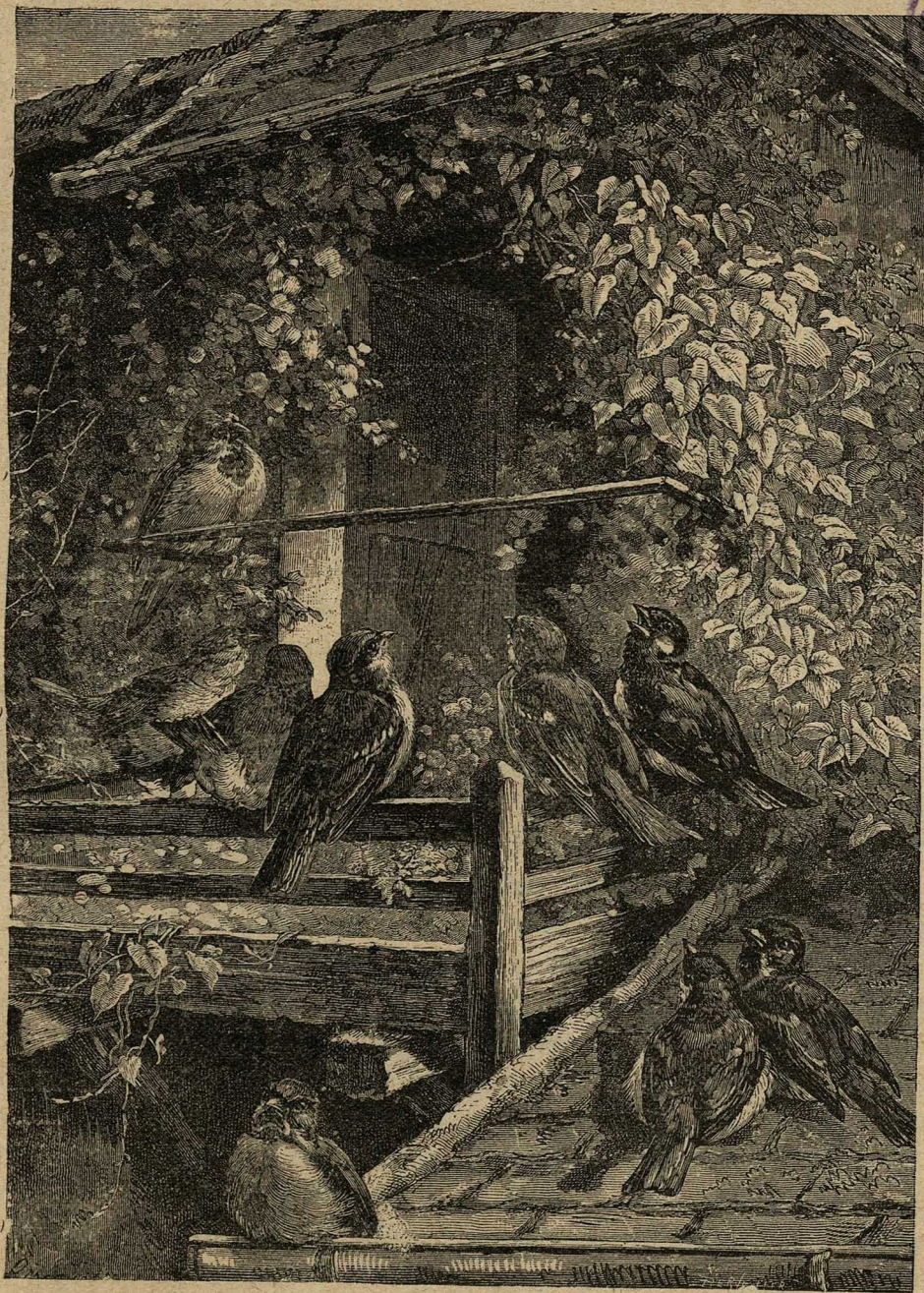
№ 14. Май, 1913.

Годъ издания VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Весна.

7 АМС

ДЖЕКЪ И ЖАКЪ.

Моя хозяйка была совершенно одинока, и вдругъ она неожиданно умерла. Пришли чужіе люди похоронили ее, забрали всю ея обстановку,—и я остался одинъ. Какая-то чужая женщина взяла меня за ошейникъ и повела къ себѣ.

— Жакъ, крикнула она кому-то.—Вотъ тебѣ подарокъ! Возьми себѣ эту собаку и корми ее! Ее зовутъ Джекъ.

Выбѣжалъ мальчикъ лѣтъ десяти, который, увидѣвъ меня, обрадовался мнѣ и сталъ меня ласкать.

— Джекъ, милый мой Джекъ! говорилъ онъ.—Теперь мы будемъ вмѣстѣ бѣгать, вмѣстѣ играть!

Скоро я узналъ, что Жакъ былъ сиротою и совершенно одинокимъ жилъ у своей бабушки. У него не было ни братьевъ, ни сестеръ, ни сверстниковъ и я долженъ былъ замѣнить ему близкаго друга и оберегать его, когда бабушка уходила въ городъ продавать свою пряжу. Жили они очень бѣдно и часто случалось, что они все не готовили себѣ обѣда, а довольствовались только хлѣбомъ и козьимъ молокомъ. Мнѣ перепали отъ нихъ кое-какія крохи, часто Жакъ не доѣдалъ самъ, чтобы только отдать свою корку хлѣба мнѣ, но мнѣ было жаль отнимать ее у него, къ тому-же

я постоянно чувствовалъ голодь и желалъ мяса.

Съ каждымъ днемъ маленькій Жакъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ и я къ нему тоже, но голодь давалъ мнѣ чувствовать себя и я убѣгалъ, надолго оставался тамъ, гдѣ вкусно пахло, и оставлялъ бѣднаго Жака одного. Я видѣлъ, какъ онъ печально бродилъ по берегу моря, глядя на волны и на виднѣвшіеся вдали паруса, и скучалъ.

— Джекъ! Джекъ! звалъ онъ меня издали къ себѣ.—Иди со мной гулять!

А его бабушка, глядя на меня, качала головой.

— Не стоило тебя, Джекъ, брать! говорила она.—Ты—избалованная, неблагодарная собака!

Мнѣ было больно это слышать, но глядя на нищету, въ какой жила бабушка и ея маленькій внучекъ Жакъ, и видя, какъ Жакъ недоѣдалъ и недопивалъ, чтобы только лишній разъ подѣлиться со мной и покормить меня, я не могъ оставаться равнодушнымъ къ этой ихъ постоянной нуждѣ и нарочно уходилъ, когда они ѣли, чтобы не лишать ихъ куска хлѣба. Они принимали это за отсутствіе привязанности, но что-же я могъ подѣлать, если изъ любви къ Жаку

уже не могъ взять отъ него даже черствой корки хлѣба, чтобы не заставить голодать и его?

Такъ прошло мѣсяца четыре. Однажды бабушка вернулась изъ города и тяжело опустилась на стулъ.

— Нѣтъ, сказала она, — уже больше я не въ силахъ! Пряла-пряла — и получила меньше того, что мнѣ самой стоилъ матеріаль! Вездѣ появились фабрики, тамъ работаютъ на машинахъ и дешевле, и скорѣй, и лучше, чѣмъ я. Что мы терь, Жакъ, будемъ съ тобой ѣсть? Вѣдь я не принесла тебѣ ничего!

Жакъ глубоко вздохнулъ и по этому вздоху я понялъ, что ему очень хотѣлось ѣсть.

„Хорошо! подумалъ я. — Теперь моя очередь позаботиться о тебѣ! Я тебѣ сейчасъ кое-чего принесу“.

Тутъ-же, по морскому берегу, на самомъ краю нашего селенія, находилась отличная усадьба какого-то господина. Онъ жилъ совершенно одинъ, былъ богатъ и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ. Пробѣгая мимо его усадьбы, я останавливался противъ окна его кухни и вдыхалъ въ себя доносившійся изъ нея ароматъ вкуснаго жаркого. Звали этого господина мосье Жеромъ. Стоя однажды у окошечка, продѣланнаго въ двери его кухни, я подслушалъ разговоръ прислуги мосье-Жерома и рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы накормить моего бѣднаго Жака.

— Завтра утромъ пріѣдетъ къ нашему хозяину его старинный другъ, сказала горничная кухаркѣ. — Постарайся приготовить чего-нибудь повкуснѣе. Они не видались около десятилѣтъ и мосье Жеромъ будетъ очень доволенъ, если ты стоговишь для его друга что-нибудь особенное.

— Хорошо, отвѣтила кухарка. — Я приготворю индѣйку!

И я тогда подумалъ: — „Хорошо было-бы покормить этой индѣйкой моего маленькаго проголодавшагося друга Жака“.

На слѣдующій день, съ самаго утра, я уже дежурилъ у калитки дома господина Жерома и поджидаль, когда пріѣдетъ съ вокзала его другъ. Чтобы меня не замѣтили, я спрятался за кустъ.

Но вотъ послышался стукъ колесъ и къ калиткѣ подѣхалъ экипажъ, изъ него вылѣзъ какой-то старичекъ. Я тотчасъ-же выскочилъ изъ своей засады и съ радостнымъ визгомъ брѣсился къ нему, завилялъ ему хвостомъ и ласково заскулилъ. Принявъ меня за собаку господина Жерома, старичекъ потрепалъ меня по шеѣ и погладилъ по головѣ.

— Хорошій, хорошій пёсь!.. сказалъ онъ. — Я люблю ласковыхъ, большихъ собакъ.

Въ это время отворилась калитка и въ ней показался самъ господинъ Жеромъ.

— Какими судьбами! восклик-

нуль онъ, увидѣвъ своего друга.—
Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

И онъ разставилъ ему руки
для объятий.

Я воспользовался случаемъ и
шмыгнулъ въ калитку. Подумавъ,
что я принадлежалъ гостю и пріѣ-
халъ вмѣстѣ съ нимъ, господинъ
Жеромъ тоже ласково потрепалъ
меня по шеѣ и погладилъ по го-
ловѣ.

— Ну иди, иди сюда! сказалъ
онъ.—Кушъ здѣсь!

И онъ указалъ мнѣ мѣсто въ
углу столовой и бросилъ мнѣ съ
дивана старую подушку.

Я чинно улегся въ углу и сталъ
ждать.

— Я люблю большихъ собакъ!
сказалъ г-нъ Жеромъ, поглядывая
на меня и на своего друга и слѣ-
дя за тѣмъ впечатлѣніемъ, кото-
рое произвела на него брошенная
мнѣ подушка.

— Я тоже, отвѣтилъ гость, даже
и не подозрѣвая, что я здѣсь былъ
совершенно чужой и не принадле-
жалъ никому.

Стали накрывать на столъ.

Хозяинъ отворилъ окно, а за-
тѣмъ оба друга усѣлись за столъ,
подвязали себѣ салфетки и стали
обѣдать. Пока они ѣли супъ, я
спокойно и благовоспитанно си-
дѣлъ у себя въ углу и никому
даже и въ голову не приходило,
что я не имѣю права даже здѣсь
быть и присутствовать на чужомъ
обѣдѣ. Когда-же подали индѣйку

и когда господинъ Жеромъ сталъ
ее рѣзать, я вскочилъ со своего
мѣста и подбѣжалъ къ столу. Мнѣ
и самому хотѣлось ѣсть и въ то-же
время хотѣлось отнести кусочекъ
индѣйки и маленькому Жаку и
потому я скоро потерялъ терпѣніе и
положилъ хозяину лапу на колѣнку,
на которой была растянута сал-
фетка. Онъ не ожидалъ этого и
брезгливо отстранилъ меня ногой.
Я снова положилъ ему лапу на
колѣнку. Онъ снова брезгливо от-
странилъ меня ногой.

— Какая надоѣдливая твоя со-
бака! обратился онъ къ гостю.

— Что ты говоришь? переспро-
силъ его гость.

— Какая невоспитанная твоя
собака! повторилъ хозяинъ.

— Моя собака? удивился гость.
У меня нѣтъ никакой собаки!

— А эта?

— А развѣ она не твоя?

И вдругъ оба вскочили и, до-
гадавшись, въ чемъ дѣло, зато-
пали на меня ногами и закри-
чали:

— Пошла вонъ!! Убирайся прочь
отсюда!

Тогда видя, что нельзя ужъ
терять ни одной минуты, я быстро
подскочилъ къ столу, схватилъ
съ него кусочекъ индѣйки и вы-
прыгнулъ съ нею въ окно.

Я бѣжалъ по улицѣ, сломя го-
лову, слышалъ, какъ за мной гна-
лись дворникъ и еще какіе-то два
молодца, и какъ сзади меня разда-

вались голоса:—„Лови, лови! Держи!“.

Я прибѣжалъ домой и положилъ свою ношу у ногъ Жака.

Онъ сидѣлъ у дверей своей избушки и печально глядѣлъ на море.

— Бери! ѣшь! сказалъ я ему по-собачьи и повилалъ ему хвостомъ.—Я знаю, что ты голодаешь, и вотъ принесъ тебѣ кусокъ жаркого.

Онъ посмотрѣлъ то на меня, то на жаркое и, казалось, понялъ меня. Его рука потянулась уже за ѣдой, какъ вдругъ изъ-за угла выбѣжали дворникъ, два молодца и самъ г-нъ Жеромъ.

— Это чья собака? грозно спросилъ онъ Жака.

— Моя, съ испугомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ въ полицію! Я научу тебя, какъ посылать собаку на воровство!

Мальчикъ держалъ кусокъ жаркого въ рукѣ и не понималъ, въ чемъ дѣло. Двое рукъ попытались было схватить меня за шею, но я увернулся, оскалилъ зубы и отскочилъ въ сторону. Тогда г-нъ Жеромъ и дворникъ взяли бѣднаго Жака за плечи и куда-то повели. Я остался одинъ. Мнѣ было странно, что люди, уже сытно поѣвшіе и собиравшіеся ѣсть еще, осердились на мальчика за то, что онъ былъ голоденъ и что никто не давалъ ему поѣсть кромѣ меня. Я лю-

билъ Жака, не могъ выносить, что ему приходилось голодать, и готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только хоть чѣмъ-нибудь ему помочь и теперъ.

Но полчаса спустя, Жакъ вернулся заплаканный, съ опухшими отъ слезъ глазами, и сѣлъ на лавочку у двери. Я подбѣжалъ къ нему, заскулилъ отъ радости, что его вижу, и положилъ ему морду на колѣни.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Джекъ? строго спросилъ онъ меня.—Вѣдь воровать грѣшно!

Я виновато завилалъ передъ нимъ хвостомъ.

— Теперь тебя посадятъ на цѣпь, продолжалъ онъ.—Мнѣ приказали посадить тебя на цѣпь!.. Но я этого не могу!

А затѣмъ случилось то, чего я не ожидалъ. Пришли какіе-то двое незнакомыхъ мужчинъ, привязали мнѣ къ ошейнику цѣпь и прибили другой ея конецъ къ стѣнѣ. Они поставили около меня опрокинутый ящикъ, который долженъ былъ отнынѣ служить мнѣ для жилья,—и я лишился свободы. Какъ плѣнникъ, я сталъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Подъ палящими лучами солнца, подъ дождемъ, подъ вѣтромъ—я все переминался съ ноги на ногу вокругъ моей цѣпи, скулилъ о потерянной свободѣ и дни и ночи тянулись для меня такъ долго, что я не видѣлъ имъ конца. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось

иной разъ пробѣжаться по берегу моря, вспомнить бывшее и сдѣлать какую-нибудь шалость, отъ которой теперь неумолимо удерживала меня цѣпь!

Часто ко мнѣ приходилъ Жакъ. Онъ садился около меня на землю, обнималъ меня за шею и глубоко-глубоко вздыхалъ.

— Вотъ если-бы ты, Джекъ, говорилъ онъ,—не сидѣлъ на цѣпи, то мы съ тобою сходили-бы на лугъ и побѣгали-бы тамъ по травѣ.

Бабушка приносила мнѣ поѣсть, но я зналъ, что у нея все еще не было заработка, и мнѣ тяжело было ѣсть то, что она приносила. Въдѣ эти корки хлѣба она отнимала у себя и Жака! Я сталъ худѣть. Красивая, волнистая шерсть теперь стала на мнѣ жесткой и свалялась и я сталъ походить на простыхъ дворовыхъ псовъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось свободы, какъ я ненавидѣлъ свою цѣпь и какъ горько мнѣ было за людей, что одни изъ нихъ сыты, а другіе голодны, и что среди нихъ находились такіе, которые могли спокойно смотрѣть на томленіе въ неволѣ звѣрей или равнодушно сажать ихъ на цѣпь! И если-бы не мой маленькій Жакъ и не добрая старушка, которые приходили ко мнѣ и ласкали меня, то я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать и какъ скоротать свою жизнь.

— Бѣдный Джекъ, говорила ста-

рушка.—Какъ жаль, что приказали тебя держать на цѣпи!

— Бѣдная собака!.. повторялъ и Жакъ.

Я вилялъ имъ хвостомъ, лизалъ имъ руки и скулилъ, но цѣпь была крѣпка, а еще крѣпче былъ законъ, который приказывалъ держать опасныхъ собакъ на привязи, и налагалъ на ихъ хозяевъ штрафъ.

Мѣсяць спустя, бабушка вернулась изъ города и о чемъ-то долго разговаривала съ Жакомъ. Потомъ приходилъ ко мнѣ Жакъ и весело сказалъ:—

— Знаешь, Джекъ? бабушка нашла мнѣ мѣсто и скоро я отсюда уѣду. Я буду зарабатывать деньги и присылать ихъ къ бабушкѣ. Только меня повезутъ не въ нашъ городъ, а въ какой-то другой, далеко-далеко отсюда!

Онъ говорилъ это и радовался, а я предчувствовалъ разлуку и сталъ скулить.

— Чего ты? удивился онъ.— Развѣ ты не радъ, что я буду самъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ?

Насталъ день отъѣзда. Съ утра въ морѣ появился чей-то незнакомый корабль, а затѣмъ отъ него отдѣлилась лодка и причалила къ берегу. Изъ нея вышли какіе-то загорѣлые люди. Бабушка вывела къ нимъ Жака. Онъ былъ одѣтъ въ свое лучшее, хотя и поношенное, пальтишко и держалъ подъ мышкой узелокъ.

— Ну, прощай! обратилась къ

нему бабушка и стала кончикомъ фартука вытирать глаза.— Не забывай меня и пиши мнѣ почаще!

Онъ бросился ей на шею. Повидимому, его торопили, потому что онъ спѣшилъ. Я лаялъ во все горло и потрясалъ своею цѣпью, боясь, что Жакъ позабудетъ проститься со мной. Но онъ не забылъ. Бросивъ свой узелокъ на землю, онъ вернулся обратно къ избушкѣ, подбѣжалъ ко мнѣ, обнялъ меня за шею и крѣпко прижалъ мою голову къ себѣ.

— Прощай, мой хорошій Джекъ! сказалъ онъ.— Какъ мнѣ жаль, что ты не можешь поѣхать со мной!

Я чувствовалъ, что расстаюсь съ нимъ на долго, визжалъ и лизалъ его въ руки, въ лицо и въ шею. Онъ взялъ въ обѣ ладони мою морду и поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Прощай! повторилъ онъ и я замѣтилъ, что его глаза наполнились слезами.

Но въ это время одинъ изъ мужчинъ крикнулъ Жаку: скорѣй!

Жакъ въ послѣдній разъ потрепалъ меня по спинѣ и побѣжалъ садиться въ лодку. Я увидѣлъ, какъ на ней взвился парусъ и какъ она отчалила отъ берега и стрѣлой понеслась къ кораблю. Я понялъ тогда, что съ отъѣздомъ Жака оторвалась и часть моей жизни, и бросился вслѣдъ за нимъ. Но цѣпь была крѣпка, прочный ременный ошейникъ плотно сдав-

ливалъ мнѣ горло и я метался на своей привязи, хрипѣлъ, визжалъ и лаялъ, и у меня не хватило силъ, чтобы вырваться на свободу и уѣхать съ тѣмъ, кого я такъ безумно, такъ горячо любилъ. Лодка подплыла къ кораблю, Жакъ пересѣлъ на него и я еще долго видѣлъ, какъ корабль крейсировалъ между прибрежныхъ утесовъ и острововъ, пока наконецъ не скрылся совершенно изъ виду.

Затѣмъ потянулись унылые дни. Шумѣло море, дулъ вѣтеръ, я все еще сидѣлъ на цѣпи, но ко мнѣ уже не приходилъ мой ненаглядный Жакъ и не разговаривалъ со мною. Каждый полдень являлась ко мнѣ старушка и, кряхтя, ставила передо мною воду и клала обѣдки хлѣба. Положивъ морду между переднихъ лапъ, я тосковалъ и скулилъ.

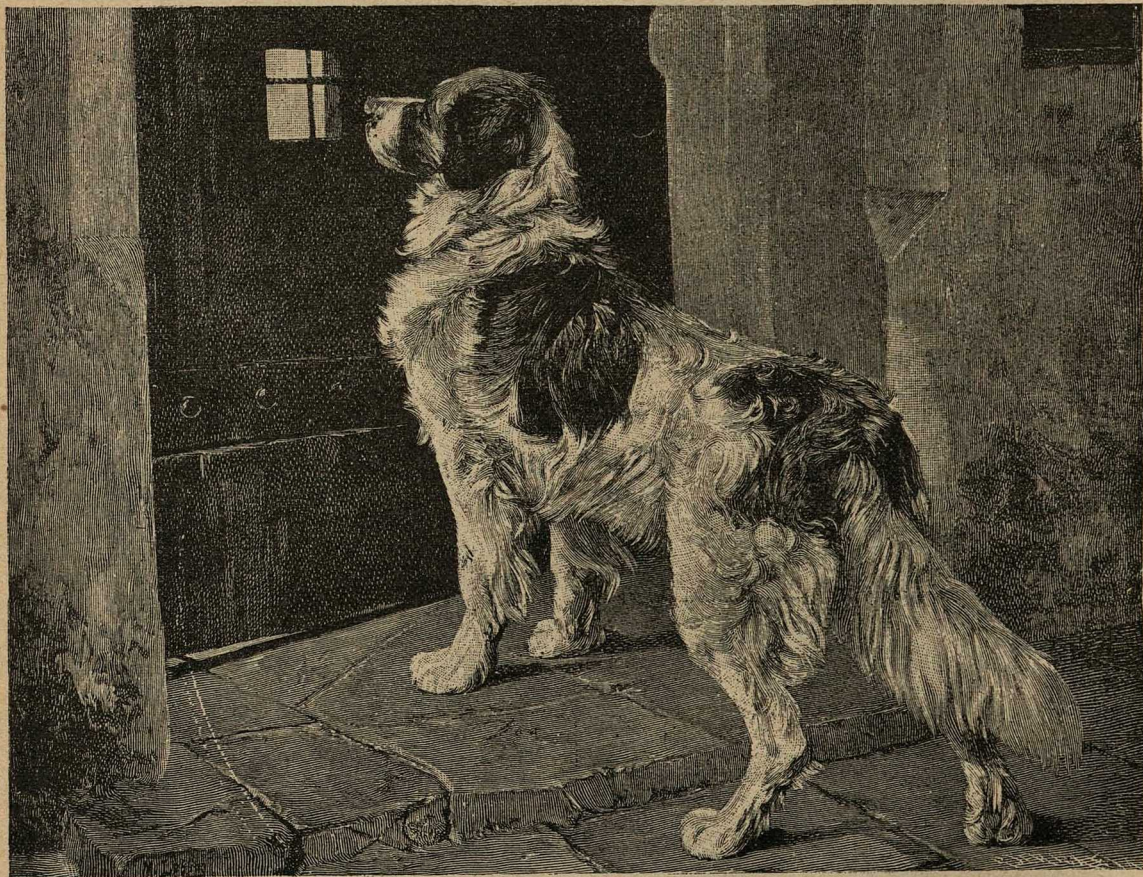
— Охъ-хо-хо-хо!.. тяжело вздыхала старушка.— Что-то теперь подѣлываетъ на чужбинѣ нашъ Жакъ? Хорошо-ли ему тамъ живется? Сытъ-ли онъ?

Эти вопросы занимали и меня. Но проходили дни за днями, вставало и заходило солнце и наступала ночь—и время стало идти своей размѣренной чередой. Вчера было похоже на сегодня, сегодня таково-же, какимъ будетъ и завтра—и такъ промелькнули три долгихъ-долгихъ года. Въ нихъ я постарѣлъ и посѣдѣлъ. Отъ моей, когда-то пышной шерсти теперь осталась какая-то некрасивая щети-

на, я похудѣлъ и все еще оставался на цѣпи. Я уже примирился со своей неволей и не ждалъ уже ничего впереди. Старушка посѣдѣла еще больше и тоже, казалось, примирилась со своимъ одиночествомъ и спокойно ждала своего конца.

камни, старушка вернулась изъ города и и тотчасъ-же вышла ко мнѣ.

— Знаешь, Джекъ, сказала она и глаза ее весело заблестали.— На этой недѣлѣ къ намъ вернется нашъ Жакъ. Я получила сегодня

... Я подслушалъ разговоръ прислуги.

Отъ Жака уже долго не приходило никакихъ вѣстей.

И вдругъ громадное, сказочное счастье! Въ одинъ бурный, осенній вечеръ, когда море ревѣло, какъ разъярившійся звѣрь, и миллионами брызгъ ударялось о

въ городѣ отъ него письмо. Онъ прѣдетъ сюда на кораблѣ.

При словѣ „Жакъ“ я обрадовался такъ, что сталъ громко выть. Она испугалась, поглядѣла пугливо на море и крикнула на меня:

— Чего воешь? На свою голову!

Цѣлую недѣлю продолжалась жестокая буря. Вѣтеръ ломалъ деревья и срывалъ съ крыши цѣлые десятки черепиць. Море шумѣло такъ, что трудно было уснуть. Меня охватила тоска и все время я жалобно вылъ. Я ожидалъ воз-

Цѣлый рядъ островковъ и подводныхъ камней отдѣлялъ его отъ нашего берега, волны прорывались сквозь нихъ и съ яростнымъ ревомъ устремлялись на насъ. Между островковъ и скалъ онѣ кипѣли, какъ въ котлѣ, и самая мысль

Горная рѣчка.

вращенія своего друга, зная, что онъ возвратится только моремъ, и какое-то тревожное предчувствіе наполняло страхомъ мое сердце. Цѣлые дни и ночи я сидѣлъ у себя на цѣпи и пристально вглядывался въ туманную даль моря.

пробратся къ намъ отъ моря казалось безумной.

— Быть бѣдѣ! говорили наши рыбаки и покачивали головами.— Быть бѣдѣ!

Старушка-бабушка выходила изъ хижины и долго—долго простаивала

вала на берегу и вглядывалась въ туманную даль.

— Спаси и помилуй, Царица Небесная! говорила она, а вѣтеръ такъ и старался сбить ее съ ногъ или сорвать съ нея платокъ.

И вдругъ я что-то почувялъ. Я вздрогнулъ, вскочилъ и затрясъ своею цѣпью. Порывъ вѣтра принесъ съ собой какой-то желанный, давно знакомый запахъ. Я втянулъ его въ себя и понялъ, что это ѣдетъ къ намъ нашъ дорогой, желанный Жакъ. Какое-то и другое странное предчувствіе, что это именно онъ, что тамъ въ морѣ сейчасъ находятся люди, которые теперь борются съ волнами, шевельнулось у меня въ груди. Я громко и ободряюще залаялъ.

— Я здѣсь! кричалъ я.—Я жду тебя, мой ненаглядный Жакъ! Бодрись!

И я увидѣлъ въ волнахъ черную точку. Это была лодка, которая выбивалась изъ силъ и которая тщетно старалась подойти къ берегу. Но у берега ее не ожидало счастье. Если ей не подадутъ сейчасъ помощи отъ насъ, то волны подхватятъ ее, какъ щепку, и ударятъ о береговые камни и островки. Тогда погибнетъ мой бѣдный Жакъ. И я громко и жалобно завылъ.

Вышла бабушка и печально посмотрѣла въ море. Ея старческіе глаза не увидали ничего. Она перекрестилась и глубоко вздохнула.

— Ну, чего ты все воешь? обра-

она ко мнѣ.—Душу надорвала своимъ глупымъ воемъ!

Вышли затѣмъ наши сосѣди-рыбаки и тоже стали вглядываться въ море. Я все время продолжалъ лаять и выть.

— Джекъ что-то чуетъ! сказалъ одинъ изъ рыбаковъ.

— Быть бѣдѣ! повторили другіе.

Въ это время откуда-то издалека, изъ глубины туманной дали, донесся до насъ отчаянный призывный крикъ:—

— Спасите! Помогите! Ко мнѣ! Ко мнѣ!

Всѣ наши рыбаки вздрогнули и насторожились.

— Это лодка!—заговорили они.—Тамъ въ морѣ лодка! Они тамъ гибнуть!

И небольшая лодка съ уже поломанной мачтой и съ опавшимъ парусомъ показалась у дальнихъ береговыхъ камней.

— Спасите! Помогите! послышались голоса.

Кто-то побѣждалъ за спасательнымъ кругомъ, одинъ изъ рыбаковъ принесъ длинную веревку, бабушка опустила ее на колѣни прямо на влажной песокъ. Я рвался на своей цѣпи и готовъ былъ броситься въ море, чтобы спасти своего друга.

Но какъ было его спасти? Какъ можно было подать лодкѣ помощь? Кто осмѣлился-бы сѣсть сейчасъ въ челнокъ и отправиться къ ней на встрѣчу, чтобы разбиться о

ближайшіе камни самому и пойти на дно? И рыбаки бѣгали по берегу и не знали, что имъ дѣлать.

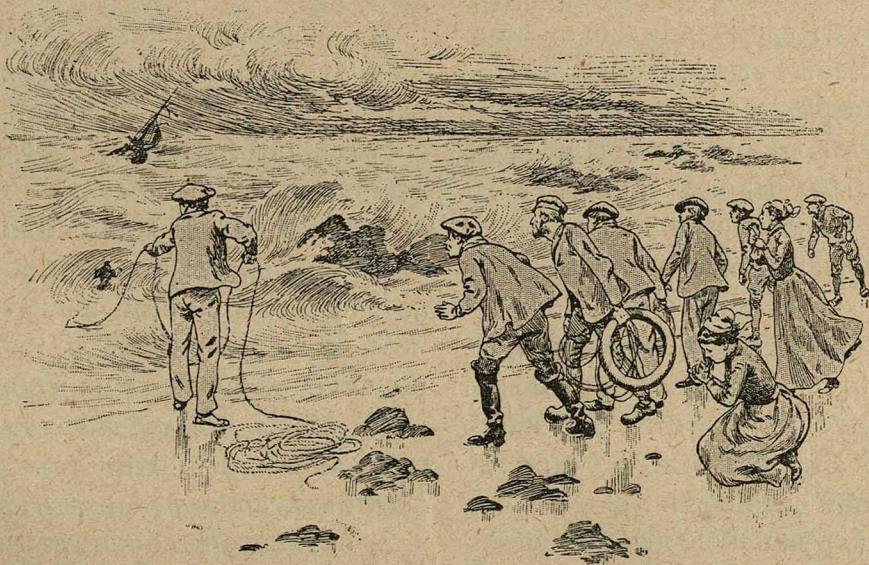
— Только-бы передать имъ конецъ этой веревки, говорили рыбаки,—а тогда мы благополучно вытащили-бы ихъ на берегъ!

Но кто, смѣльчакъ, рѣшился-бы броситься сейчасъ же въ воду, поплыть къ лодкѣ и дать ей конецъ спасательной веревки?

за его радостно блеснули. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ и быстрымъ движеніемъ ножа разрѣзалъ мнѣ ошейникъ.

— Тамъ Жакъ! крикнулъ онъ мнѣ и указалъ рукой на море.— Тамъ Жакъ!

Но я давно уже зналъ объ этомъ и рвался навстрѣчу къ своему товарищу. Рыбакъ привязалъ къ моей шеѣ одинъ конецъ веревки и

Съ радостнымъ визгомъ я бросился въ море и потянулъ за собой веревку.

А я въ это время рвался по-прежнему на своей цѣпи и хрипѣлъ—ошейникъ туго стягивалъ мнѣ горло и мѣшалъ мнѣ лаять и дышать. О, какъ я ненавидѣлъ тогда свою проклятую цѣпь, какъ я алчно желалъ тогда свободы, чтобы спасти своего друга, или смерти, чтобы умереть!

И вдругъ одинъ изъ рыбаковъ обратилъ на меня вниманіе. Гла-

сталь ее быстро разматывать. Она казалась безконечной.

— Тамъ Жакъ! повторилъ онъ.— Иди туда! неси Жаку веревку!

Съ радостнымъ визгомъ я бросился въ море и потянулъ за собой веревку. Скоро земля выскользнула у меня изъ-подъ лапъ, волны подхватили меня и я поплылъ къ желанной цѣли. Боже мой, что это была за тяжкая, непосильная

для меня борьба! Волны нападали на меня и яростно отбрасывали меня назадъ, ударяли мной о камни, но я все плыль и плыль, изнемогая отъ усталости и не замѣчая боли.

Бабушка и толпа рыбаковъ стояли кучкой на берегу и съ замираніемъ сердца слѣдили за мной, а я все тянулъ и тянулъ за собою веревку и старался разглядѣть впереди лодку и не сбиться съ пути.

И вдругъ громадная волна подхватила меня и вынесла въ открытое море; я стряхнулъ съ головы воду и открылъ глаза. Лодка была какъ разъ передо мною. Отъ радости я громко, визгливо залаялъ.

— Собака! Собака! вдругъ послышались голоса изъ лодки.

— Это мой Джекъ! воскликнулъ чей-то дѣтскій голосъ.— Это Джекъ!

Я узналъ въ немъ голосъ моего дорогого Жака. Но въ эту минуту силы стали оставлять меня, голова у меня закружилась, дыханіе сперлось въ груди и я понялъ, что долѣ бороться съ моремъ уже не могу. Неужели я такъ и не доведу своего дѣла до конца? Неужели я не исполню своего долга и не спасу людей, которыхъ всю жизнь свою такъ горячо и такъ безгранично люблю? Но въ это время волна прибила меня къ самой лодкѣ, двѣ дюжія руки схватили меня за уши и за спину и вытащили изъ воды. Я почувствовалъ подъ собою доски и понялъ, что теперь уже не утону.

— Джекъ! мой милый Джекъ! услышалъ я надъ собою голосъ своего друга.— Да какъ-же ты узналъ, что я къ тебѣ плыву?

Я встряхнулся, вскочилъ на ноги и бросился къ Жаку. Я плакалъ отъ радости, скулилъ, лизалъ его въ руки, въ лицо, въ глаза, въ шею, а онъ прижималъ меня къ себѣ и все повторялъ:—

— Джекъ! Мой дорогой, милый Джекъ!

Я не помню, какъ у меня отъ шеи отвязали веревку, какъ привязали ее затѣмъ къ лодкѣ и какъ собравшіеся на берегу рыбаки вытащили насъ за нее на сушу. Я помню только, что когда я выпрыгнулъ на берегъ, то всѣ бросились ко мнѣ, стали меня ласкать, трепать меня по спинѣ и по шеѣ и радостно и одобрительно говорили:

— Ай, да Джекъ! Ай, да храбрая собака! Развѣ можно такихъ доблестныхъ собакъ держать на цѣпи?

А затѣмъ мы вошли въ хижину; бабушка стала грѣться. Я растянулся у очага и почувствовалъ, какъ пріятная теплота стала разливаться по всему моему тѣлу. Уже около трехъ лѣтъ, какъ я не лежалъ у пылающаго очага. Теперь я былъ на свободѣ, чувство исполненнаго долга наполняло мое сердце довольствомъ собою, мой милый Жакъ былъ около меня и я сладко и безмятежно заснулъ.

Двѣ недѣли спустя, погостивъ у бабушки, Жакъ снова отправлял-

ся въ море. Толпа рыбаковъ провозжала его на берегу. Теперь море было уже спокойно и ласково манило къ себѣ. Простившись со всѣми, Жакъ вошелъ въ лодку, чтобы отплыть на ней на ожидавшій его большой ксрабль. Я стоялъ тутъ же на камнѣ, вилялъ хвостомъ и печально глядѣлъ ему въ самые глаза.

— Поѣдемъ со мной, Джекъ! вдругъ обратился ко мнѣ мой другъ.

Я взвизгнулъ и радостно вспрыг-

нулъ къ нему въ лодку: Гребцы опустили весла и лодка плавно закачалась по морю. Я сидѣлъ рядомъ съ Жакомъ на скамьѣ и смотрѣлъ на удалявшійся отъ насъ берегъ.

— Прощайте! кричали намъ рыбаки.

— До свиданія! кричалъ имъ Жакъ и махалъ имъ своей шляпой.

Я громко лаялъ и отъ удовольствія вилялъ хвостомъ. Теперь ужъ я не разстанусь со своимъ другомъ никогда!

Гіальмаръ.

Л Ъ Т О М Ъ .

На травѣ роса блистаетъ,
Солнце стало выше,
Воробьевъ веселыхъ стая
Прыгаетъ на крышѣ.
Въ дѣрнѣ дремлютъ маргаритки,
На дорожкѣ тѣни...
Точно сторожъ у калитки,
Бѣлый кусть сирени.

Пахнетъ медомъ разогрѣтымъ...
На полянѣ тихо.
Розовато-бѣлымъ цвѣтомъ
Зацвѣла гречиха.
Хорошо здѣсь у опушки!
Шелестятъ березы,
Только слышенъ крикъ кукушки,
Да жужжать стрекозы.

Е. Оберучева.

ДОБЛЕСТНЫЙ ФАРО.

Въ самомъ началѣ 1812 года одинъ деревенскій паренъ Жанъ былъ неожиданно взятъ въ солдаты. Тогда во Франціи былъ императоромъ Наполеонъ и попасть при немъ въ солдаты — значило

никогда уже не возвратиться домой. Наполеонъ велъ войны со всѣми государствами и рѣдкій солдатъ приходилъ на родину и не складывалъ своихъ костей на чужбинѣ... Но дѣлать было нечего,

Жанъ простился со своими родителями и съ друзьями, бросилъ послѣдній взглядъ на домъ, въ которомъ родился и жилъ, на садъ, на стойло, въ которомъ блеяли овцы и мычали коровы, и со слезами на глазахъ и съ тревожнымъ сердцемъ отправился въ городъ, гдѣ стоялъ его полкъ.

Не прошелъ онъ и трехъ верстъ, какъ замѣтилъ, что за нимъ бѣжитъ его обычный спутникъ—собака Фаро. Онъ хотѣлъ вернуть ее обратно и указалъ ей пальцемъ въ ту сторону, гдѣ находился его домъ,—но она не послушалась. Онъ крикнулъ на нее и даже бросилъ въ нее камень, но она продолжала за нимъ идти.

Жанъ очень любилъ свою собаку и былъ тронутъ этимъ ея упорствомъ.

— Ну, что-же! воскликнулъ онъ наконецъ.—Тѣмъ хуже для тебя! Иди, если хочешь. Ты будешь напоминать мнѣ о родинѣ, о нашемъ домѣ, о семьѣ...

Фаро радостно запрыгалъ, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать впереди своего хозяина.

Нѣсколько дней спустя, въ городѣ, во дворѣ казармы, гдѣ происходило учение солдатъ, случилась неприятная сцена. Въ присутствіи самого полковника Динара, производившаго смотръ новобранцамъ, въ то время, когда Жанъ старался понять ученье и шагалъ, высоко поднимая ноги, откуда-то

вдругъ появился Фаро. Увидавъ своего хозяина за такимъ непривычнымъ дѣломъ, онъ испугался за него, съ громкимъ лаемъ бросился къ его ногамъ и, схватившись зубами за его штаны, сильно за нихъ потянулъ. Жанъ спотынулся и упалъ.

Всѣ разсмѣялись.

Полковникъ подошелъ къ нему и строго спросилъ:—

— Это еще что такое?

— Это... залепеталъ сконфуженный Жанъ,—это, г-нѣ полковникъ, моя собака... Ее зовутъ Фаро. Я былъ дома пастухомъ. Такъ это моя собака Фаро.

— Не воображаешь-ли ты, что казна будетъ ее кормить?

— Виноватъ, г-нѣ полковникъ,—я ее кормлю самъ. Я дѣлюсь съ ней своей порціей, которую получаю въ казармѣ.

— Я тебѣ даю срокъ только до вечера, продолжалъ полковникъ, чтобы ты избавилъ меня отъ своего лохматого пріятеля. Я нарушенія порядка не люблю. Подари его кому нибудь, заведи его куда-нибудь, отрави, повѣсь,—ну, однимъ словомъ, чтобы я больше не видалъ этой собаки! Слышишь?

— Понимаю, г-нѣ полковникъ! почтительно отвѣтилъ Жанъ.

Этотъ приказъ причинилъ молодому солдату большое горе. Онъ не зналъ, какъ ему поступить. Съ одной стороны, онъ боялся ослушаться своего начальника и по-

платиться за это ослушаніе тяжелыми послѣдствіями, а съ другой— онъ считалъ невозможнымъ, и прямо даже преступнымъ, убить своего друга самому. И онъ рѣшилъ поэтому запереть собаку въ большой сарай, на заднемъ дворѣ, въ который не ходилъ почти никто. Каждый вечеръ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, онъ прибѣгалъ тайкомъ къ сараю и приносилъ своему плѣннику хлѣба; онъ ласкалъ его, разговаривалъ съ нимъ въ полголоса и, разставаясь съ нимъ, всякій разъ совѣтовалъ ему быть терпѣливымъ и благоразумнымъ и молчать.

— Вѣдь я совѣтовалъ тебѣ, дурачокъ, обращался онъ къ Фаро— возвратиться тогда домой! А ты меня не послушался! Вотъ и сиди теперь взаперти!

Было ясно, что эта затѣя Жана не могла долго продолжаться. Рано или поздно его все равно накрыли-бы, и наказали за ослушаніе. Но вдругъ былъ объявленъ походъ въ далекую Россію. Императоръ Наполеонъ велѣлъ объявить по войскамъ, что хочетъ идти на священный городъ русскихъ—Москву, и приказалъ всѣмъ французскимъ полкамъ выступить въ Дрезденъ, чтобы тамъ соединиться въ одну большую армію и слѣдовать далѣе въ Россію.

Всѣ засуетились и стали готовиться къ походу. Полкъ Жана выступилъ раннимъ мартовскимъ

утромъ, когда всю землю еще покрывалъ бѣлый морозъ. Небо было хмуро, вся дорога была въ кочкахъ и всѣ поля казались унылыми и безжизненными. Шли задумчиво старые солдаты; молодые рекруты затыгивали пѣсни, но пѣніе имъ не удавалось и всякій разъ обрывалось на срединѣ: каждый сознавалъ, что едва-ли вернется изъ похода домой, и что, быть можетъ, въ послѣдній разъ ступаетъ ногами по родной землѣ.

— Что-то будетъ? переговаривались между собою старые солдаты.—Мы еще никогда не ходили походомъ такъ далеко! Вернемся-ли мы назадъ?

И только одно живое существо во всемъ полку, чувствовало себя счастливымъ. Это былъ... нашъ старый знакомый Фаро. Получивъ свободу, онъ съ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя морозный воздухъ, прыгалъ и описывалъ на бѣгу вензеля. Теперь для него миновала всякая опасность. Онъ могъ бѣгать и тутъ, и тамъ, не мѣшая никому, и часто, когда останавливались лагеремъ и дѣлали приваль, то онъ въ толпѣ другихъ собакъ облизывался около котловъ съ кашей или съ похлѣбкой и терпѣливо ждалъ своей подачи. Такимъ образомъ ни самъ полковникъ Динаръ, ни другіе офицеры даже не замѣчали его присутствія. Только одинъ Жанъ выходилъ по вечерамъ изъ палатки и нѣжно ласкалъ своего

друга, который всегда прибѣгалъ къ нему, какъ только всѣ ложились спать.

— О, мой милый, вѣрный Фаро! говорилъ ему Жанъ.—Какъ я доволенъ, что ты со мной! Мнѣ такъ было-бы тоскливо безъ тебя!

слѣдилъ за своимъ хозяиномъ подь Бородинымъ и перебѣгалъ отъ одного раненаго къ другому, чтобы лизнуть страдальца въ щеку или принести ему бутылку воды, которую Жанъ то и дѣло наполнялъ изъ ручья и привѣшивалъ

П р и я т е л и .

И, пока шли въ Россію, Фаро всегда держался въ сторонѣ отъ полка. До самой Москвы никто даже и не подозрѣвалъ, что Жанъ идетъ со своею собакой. Вѣрный Фаро вмѣстѣ съ Наполеономъ вступилъ въ Смоленскъ, подь цѣлымъ дождемъ ядеръ и пуль онъ

къ Фаро на шею. Раза два или три умный Фаро бѣгалъ въ госпиталь и подь градомъ пуль, ухвативъ доктора за полу сюртука, приводилъ его къ раненому солдату. Увидѣвъ его, мчавшагося черезъ Бородинское поле съ флягой воды подь шеей, самъ Напо-

леонъ обратилъ на него вниманіе и даже съ улыбкой сказалъ:

— Дать этому четвероногому за храбрость бронзовую медаль!

Но Фаро́ былъ далеке́ отъ всякихъ наградъ и тутъ-же улизнулъ, смѣшался въ толпѣ и скоро скрылся въ кустахъ. А когда Французскія войска входили затѣмъ въ Москву, то онъ гордо шествовалъ впереди всѣхъ и равнодушно приглядывался къ начавшимъ уже загораться, московскимъ домамъ. А затѣмъ во всей Москвѣ вспыхнулъ пожаръ. Москвичи не пожелали отдать свой городъ непріятелю и подожгли его со всѣхъ сторонъ. Въ жалкихъ развалинахъ, среди пепла и безъ куска хлѣба французы должны были торжествовать свою побѣду.

— Этого съ нами еще не бывало никогда!.. переговаривались между собою старые солдаты.—Мы никогда еще не заходили такъ далеко и никогда не брали опустѣвшихъ и сгорѣвшихъ до тла городовъ. Гдѣ мы будемъ здѣсь жить и что мы будемъ здѣсь ѣсть?

А затѣмъ грянули жестокіе морозы и началось несчастное отступление французской арміи изъ Москвы. Безславные, униженные, брошенные своимъ императоромъ на произволъ судьбы, умирая отъ холодовъ, то и дѣло тѣснимые нападавшими казаками, несчастные французы медленно плелись изъ Россіи къ себѣ домой. На каждой остановкѣ они оставляли на

произволъ судьбы тысячи своихъ раненыхъ и больныхъ товарищей и массы труповъ. Прибѣгали волки и однихъ сжирали, а другихъ загрызали до смерти. Похудѣвшій, осунувшійся, олустивъ печально

Завтракъ.

морду, Фарó слѣдоваль за своимъ хозяиномъ Жаномъ и всякій разъ, когда останавливались на ночлегъ, онъ крѣпко прижимался своимъ тѣломъ къ его ногамъ, чтобы хоть немножко согрѣть его своей тепло-той.

Однажды, въ жестокий морозъ, полкъ, которымъ командоваль полковникъ Динарь, получилъ приказаніе во что-бы то ни стало добраться до ближайшей деревни, чтобы тамъ хоть немного согрѣться и провести подъ крышей ночь. Наступили сумерки. Дуль такой рѣзкій, морозный вѣтеръ, что пальцы прилипали къ ружьямъ и на усахъ и бородахъ у солдатъ образовывались сосульки. Слышно было, какъ въ темнотѣ перекликались между собою офицеры. То тамъ, то здѣсь брели кучки усталыхъ солдатъ. Весь полкъ въ безпорядкѣ разсыпался по безконечной, снѣжной равнинѣ... Горе тѣмъ, кто въ это время отсталъ на пути!.. Ихъ ожидала безславная смерть отъ холода или-же опасность быть заживо съѣденными волками.

— „Господи, думаль Жанъ. — Да когда-же, наконецъ, кончится этотъ несчастный походъ? Когда мы возвратимся къ себѣ домой?“

Около десяти часовъ вечера солдаты набрали на большую, покинутую, помѣщичью усадьбу. Въ ней не осталось ни души. Едва волоча ноги, умирая отъ усталости

и окоченѣвъ отъ холода, несчастные французы кое-какъ взобрались въ главный домъ и, не имѣя даже силъ погрызть замерзшаго, какъ камень, хлѣба, въ безсиліи повалились прямо на полъ и тѣсно прижались одинъ къ другому, не желая больше ничего, кромѣ отдыха и сна.

И вдругъ одинъ старый капитанъ приподнялся на локтѣ и оглядѣлся съ безпокойствомъ по сторонамъ.

— Братцы, воскликнулъ онъ, — гдѣ-же нашъ полковникъ?

Всѣ печально поглядѣли другъ на друга.

— Онъ вѣрно замерзъ, проворчалъ одинъ изъ старыхъ гренадеровъ. — Вѣроятно, онъ упаль по пути отъ усталости и никто не замѣтилъ, какъ онъ упаль!

— А если онъ свалился по пути, добавилъ молодой сержантъ, — то все равно онъ теперь погибъ... Ахъ, какая несчастная война!.. Ужасно! Ужасно!..

Наступило молчаніе. Полковника любили и каждый въ душѣ оплакиваль его потерю.

— Пойдите, братцы, вдругъ вскочилъ какой-то молодой офицеръ. — Неужели-же мы дадимъ своему начальнику погибать? Честно-ли это и достойно ли это солдата? Вернемтесь сейчасъ-же назадъ! Кто желаетъ отправиться на поиски вмѣстѣ со мной?

Никто не рѣшился сразу отвѣтить. Всѣ молчали.

— Да, хорошо возвращаться, нарушил наконецъ молчаніе одинъ изъ солдатъ,—когда всѣ устали и когда такой морозъ! Да и какъ и куда идти? Гдѣ мы найдемъ полковника въ такую темноту безъ проводниковъ и безъ фонарей? Развѣ мы знаемъ, какъ мы сюда шли? Это все равно, что искать иголку въ кучѣ соломы!

— Но мы найдемъ дорогу по нашимъ-же слѣдамъ!

— Да какъ-же мы ее найдемъ, какъ опять повалилъ снѣгъ?

Въ эту минуту съ полу поднялся Жанъ. Онъ едва стоялъ на ногахъ.

— Я отправлюсь на поиски одинъ! рѣшительно заявилъ онъ.— Я найду полковника Динара самъ!

— Ты? удивились всѣ.—Но какимъ образомъ?

— Пойдемъ, Фаро! кликнулъ онъ собакъ и направился къ двери.

Фаро послѣдовалъ за нимъ.

Но вдругъ онъ что-то сообразилъ и остановился.

— Какая жалость, сказалъ онъ, что у насъ здѣсь нѣтъ ни одной вещи полковника. Фаро обнюхалъ-бы ее и понялъ-бы скорѣе, чего отъ него хотятъ. Это облегчило-бы поиски...

— Подожди! вдругъ крикнулъ ему въ отвѣтъ полковой трубачъ.— Полковникъ только сегодня мнѣ передалъ на храненіе кое-что изъ своего бѣлья. Оно лежитъ у меня въ ранцѣ!.. Я сейчасъ!..

И онъ вытащилъ изъ сумки два платка и какіе-то жалкіе лохмотья, которые когда-то были рубашкой. Жанъ подвелъ къ нимъ Фаро.

— Ищи! сказалъ онъ ему.—Ищи его! Слышишь? Его!

Собака подняла морду, посмотрѣла на Жана, потомъ обнюхала вещи и понюхала воздухъ и вдругъ побѣжала изъ дома. Не смотря на тяжкую усталость, Жанъ послѣдовалъ за ней.

Часъ спустя, весь окостенѣвшій отъ холода, безъ чувствъ, но еще живой, полковникъ Динаръ уже лежалъ въ покинутой помѣщицкѣй усадьбѣ, укрытый шинелями и окруженный со всѣхъ сторонъ своими офицерами и солдатами. Чтобы истопить печи и сдѣлать тепло, сняли съ петель двери и слѣстницы перила и изрубили ихъ на дрова. Вскорѣ полковникъ пришелъ въ себя и открылъ глаза. Каково-же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ себя въ безопасности и въ теплой комнатѣ среди своихъ! Онъ былъ спасенъ! Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и думалъ, что это сонъ.

— Но какъ-же, какъ вы меня нашли, мои храбрые друзья? спросилъ онъ въ восторгѣ.—Какъ вы меня спасли?

— Это не мы, отвѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.— Мы никогда-бы не могли этого сдѣлать, если-бы не одинъ нашъ другъ...

— Кто это? спросилъ полковникъ.

— Собака Фарò!

— Кому-же изъ васъ она принадлежитъ?

Рядовой Жанъ выступилъ впередъ.

— Мнѣ, г-нъ полковникъ, отвѣтилъ онъ. — Фарò нашелъ васъ у дороги въ снѣгу, верстахъ въ четырехъ отсюда, а я принесъ васъ сюда на своихъ плечахъ.

Полковникъ протянулъ Жану руку.

— Спасибо тебѣ, мой бравый другъ! сказалъ онъ ему. — Я никогда не забуду твоей услуги и постараюсь не остаться передъ тобой въ долгу.

Мѣсяцевъ пять спустя, только одни жалкіе остатки отъ великой арміи Наполеона возвратились во Францію. Среди нихъ были полковникъ Динаръ и Жанъ. Вѣрный Фарò всюду слѣдовалъ по пятамъ за своимъ хозяиномъ. А когда солдаты Динара снова размѣстились въ своихъ прежнихъ казармахъ, то полковникъ вызвалъ къ себѣ Жана и ласково хлопнулъ его по плечу.

— Гдѣ теперь твоя собака, Жанъ? спросилъ онъ его.

— Въ сараѣ, г-нъ полковникъ! почтительно отвѣтилъ ему Жанъ. — Такъ какъ въ казармахъ не позволяется держать собакъ, то я опять заперъ ее въ сарай!

— Вѣдь ты, кажется, хотѣлъ-бы выйти въ отставку и возвратиться на родину?

Жанъ изъ скромности смолчалъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду хлопотать, чтобы тебѣ дали полную отставку, продолжалъ полковникъ Динаръ. — Тебѣ осталось служить еще 23 года, но это ничего! Въ уваженіе къ твоимъ заслугамъ и... и заслугамъ твоего Фарò я беру на себя выхлопотать тебѣ отставку!

Полгода спустя, полковникъ снова вытребовалъ къ себѣ Жана и на этотъ разъ вмѣстѣ съ Фарò.

— Другъ мой, обратился онъ къ нему. — Возвратись къ своимъ родителямъ и паси вмѣстѣ съ Фарò свои стада. Вотъ тебѣ полная отставка, а вотъ и маленькая сумма денегъ лично отъ меня. Вспоминай иногда о твоёмъ полковникѣ, который никогда-бы больше не увидѣлъ своей дорогой родины, если-бы не ты и не твой доблестный Фарò.

И, доставъ изъ стола бронзовую медаль, онъ привѣсилъ ее къ ошейнику Фарò.

— Такъ приказалъ императоръ!.. сказалъ онъ и сдѣлалъ собакѣ подъ козырекъ.

А затѣмъ онъ повернулся и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Жанъ постоялъ немного и побрелъ къ себѣ въ деревню домой. Фарò бѣжалъ сзади него и, глядя на нихъ, никто-бы даже и не подумалъ, что оба они были такъ далеко и такъ много за эти два года перенесли.

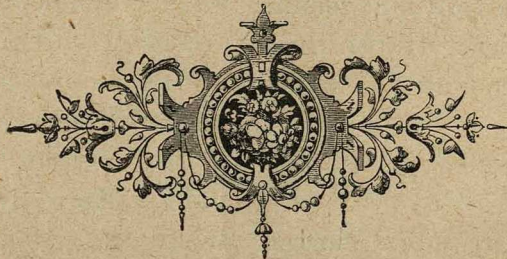
И Дюржель.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Двурогій мѣсяць надъ аллеей
 Взшелъ и сталь. Зажглась звѣзда.
 Въ вечернемъ воздухѣ сильнѣе
 Благоухаетъ резеда.
 Вотъ сторожъ вынырнулъ изъ мрака
 И колотушкой въ доску бьетъ,
 Вблизи залаяла собака
 И скрипъ раздался у воротъ.
 Вдругъ въ лознякѣ за прудомъ спящимъ
 Зашелкалъ робко соловей
 И оборвалъ... Изъ темной чащи
 Чуть слышенъ трескъ сухихъ вѣтвей.
 Все смолкло. Тихо засыпаетъ
 За день уставшая земля,
 И тишь вечерняя слетаетъ
 На потемнѣвшія поля.

Е. Оберучева.

ПРИНЦЪ И РОЗОВЫЙ КУСТЪ.

СКАЗКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
 которомъ государствѣ жилъ-былъ
 старый король. У него былъ един-
 ственный сынъ и наслѣдникъ
 престола принцъ Маринъ, ко-
 торого онъ горячо любилъ. Жена
 у короля умерла ужъ давно, до-
 черей не было, и оба они жили
 вдвоемъ, никуда не выѣзжали и
 никого не принимали у себя.
 Когда же принцу исполнилось
 совершеннолѣтіе, король подозвалъ
 его къ себѣ и сказалъ:—
 — Маринъ, я хочу, чтобы ты
 женился при мнѣ и чтобы я могъ
 увидѣть твоихъ дѣтей. Я уже
 старъ, могу скоро умереть и мнѣ не
 хотѣлось-бы оставлять тебя одного.

И онъ приказалъ сдѣлать во дворцѣ блестящій балъ и пригласить на него самыхъ богатыхъ и самыхъ красивыхъ принцессъ и королевенъ, чтобы его сынъ Маринъ могъ выбрать изъ нихъ себѣ жену. И ни одна изъ нихъ не понравилась принцу. Всѣ онѣ были богаты и прекрасны, но въ нихъ не было той простоты и той безкорыстной привязанности, которыхъ онъ такъ искалъ въ своей будущей женѣ.

— Всѣ онѣ знаютъ, что я— принцъ и наслѣдникъ твоего престола, сказалъ онъ отцу, — и потому любая изъ нихъ выйдетъ за меня замужъ только для того, чтобыбытьвпослѣдствіи королевой. Какъ-бы я желалъ, чтобы моя будущая невѣста вовсе не знала, кто я такой!

Старый король нахмурился, подумалъ и сказалъ:—

— Ты правъ, сынъ мой. Счастья не купишь ни за какія деньги и ни за какіе королевскіе титулы. Поэтому вотъ тебѣ мой совѣтъ: сядь на коня и поѣзжай въ чужія страны, гдѣ тебя не знаетъ никто. Присватайся тамъ къ той дѣвушкѣ, которая приглянется тебѣ, и кто-бы она потомъ ни оказалась, королевна или мужичка, я съ удовольствіемъ признаю ее твоей женой.

Принцъ задумался. Куда ѣхать? Какъ бросить старика - отца одного?

И вдругъ на королевскій дворъ зашелъ какой-то странствующій пѣвецъ. Онъ настроилъ свою гитару и сталъ пѣть про то, какъ въ какомъ то далекомъ, далекомъ, невѣдомомъ государствѣ, въ глубинѣ дремучаго лѣса, растетъ розовый кустъ, весь покрытый пышными, душистыми цвѣтами. И какъ только начинается спускаться вечеръ и неподалеку начинается раздаваться плѣнительная пѣснь соловья, этотъ розовый кустъ раскрывается и всякій разъ изъ него выходитъ дѣвушка, прекраснѣе и добрѣе которой нѣтъ на свѣтѣ. Она ходитъ по травѣ, собираетъ цвѣты, плететъ изъ нихъ вѣнокъ и затѣмъ, какъ только солнце спрячется за горизонтъ, она снова подходитъ къ своему кусту и говоритъ: — „Розовый кустъ, раскройся!“ Кустъ раскрывается, она входитъ въ него и съ глубокимъ вздохомъ восклицаетъ: — „О, если-бы нашелся такой человѣкъ, который выше всего на землѣ ставитъ не богатство, не власть, а хорошія, искреннія отношенія между людьми! Но такихъ людей теперь уже нѣтъ!“ Кустъ закрывается и дѣвушка остается въ немъ до слѣдующаго дня.

Выслушавъ пѣвца, принцъ Маринъ встряхнулъ кудрями и сказалъ:

— Вотъ дѣвушка, которую-бы я желалъ имѣть своей женой!

И онъ приказалъ осѣдлатъ себѣ коня, простился со своимъ отцомъ и отправился въ далекія края отыскивать въ дремучемъ лѣсу тотъ Розовый кустъ, о которомъ ему снѣлъ прохожій пѣвецъ.

Долго онъ ѣхалъ, много препятствій преодолѣлъ на пути и наконецъ пріѣхалъ къ опушкѣ дремучаго лѣса. У опушки стояла избушка на курьихъ ножкахъ. Онъ постучался въ нее.

— Избушка, избушка, сказалъ онъ, — кто въ тебѣ живетъ?

На крыльцѣ показалась безобразная, сторбленная старушка. Она сердито взглянула на него и въ свою очередь спросила:

— По волѣ, или по неволѣ?

Онъ отвѣчалъ ей, что ѣдетъ по своей собственной волѣ, чтобы отыскать удивительный Розовый кустъ, весь въ душистыхъ, пышныхъ цвѣтахъ, около котораго поетъ соловей и изъ котораго каждый день, передъ заходомъ солнца выходитъ дѣвушка, лучше которой нѣтъ другой на свѣтѣ.

— А развѣ у тебя нѣтъ другихъ невѣстъ кромѣ этой дѣвушки? спросила его старуха.

— Невѣстъ у меня много, отвѣтилъ ей молодой человекъ, — да всѣ онѣ знаютъ, что я — королевичъ, и идутъ за меня по расчету. А мнѣ хотѣлось-бы имѣть женой такую дѣвушку, которая полюбила-бы меня, не зная, кто я такой.

Старуха ласково улыбнулась.

— Это хорошо, что ты такъ умно разсуждаешь, сказала она. — Только вотъ тебѣ мой совѣтъ. Когда ты пріѣдешь къ этому кусту и увидишь эту дѣвушку, то ты не прикасайся къ ней и не цѣлуй ее. Такія дѣвушки очень рѣдки и ихъ надо еще заслужить и относиться къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ, какъ-бы бѣдны и не знатны онѣ ни были.

— Что-жъ я долженъ сдѣлать, чтобы она согласилась выйти за меня замужъ? спросилъ старуху принцъ.

— Эту дѣвушку любитъ Буйный вѣтеръ, отвѣтила ему старуха, — и чтобы онъ не могъ на ней жениться, добрыя феи заколдовали ее и посадили ее въ розовый кустъ. Но стоитъ только ее комунибудь поцѣловать, какъ ихъ чары тотчасъ-же окончатся надъ ней. Розовый кустъ ужъ не приметъ ее къ себѣ обратно, она останется безъ защиты и Буйный вѣтеръ подхватитъ ее и унесетъ ее къ себѣ. Счастье вѣдь не легко достижимо, а ты ищешь не богатства и не славы, а счастья. Поэтому запомни мои слова и не цѣлуй ее. Да не забудь пригласить меня къ себѣ на свадьбу!

Принцъ Маринъ поблагодарилъ старуху и отправился въ дальнѣйшій путь. Скоро онъ увидѣлъ на пути пасѣку и около нея у шалаша, — стараго - престараго дѣ-

да, который, съ трудомъ приглядываясь къ своей работѣ, вязаль чулки.

— Здорово дѣдушка! крикнулъ ему молодой человѣкъ. — Богъ въ помощь!

— Здравствуй, отвѣтилъ ему старичокъ и поднялъ отъ вязанья голову. Спасибо!—По волѣ, или по неволѣ?

Принцъ рассказалъ ему все.

встрѣтишься съ Буйнымъ вѣтромъ который не дастъ тебѣ пощады, то постарайся поскорѣ надѣть на себя эти чулки и ты сразу-же сдѣлаешься невидимымъ! Только не забудь за это пригласить меня къ себѣ на свадьбу!

Молодой человѣкъ пообѣщавъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ дальше.

Долго ѣхалъ онъ черезъ дре-

Веселая публика.

— Вижу, вижу, что ты хорошій человѣкъ, сказалъ старичекъ. — Не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ ты.—Только вѣдь и счастье то не такъ легко достигается, какъ ты думаешь! Придется еще много поработать, прежде чѣмъ его достичь. Но я тебѣ за твое ласковое слово помогу. Возьми-ка ты эти два чулка и держи ихъ при себѣ. Когда постигнетъ тебя бѣда и ты

мучій лѣзь и наконецъ выѣхалъ на полянку.

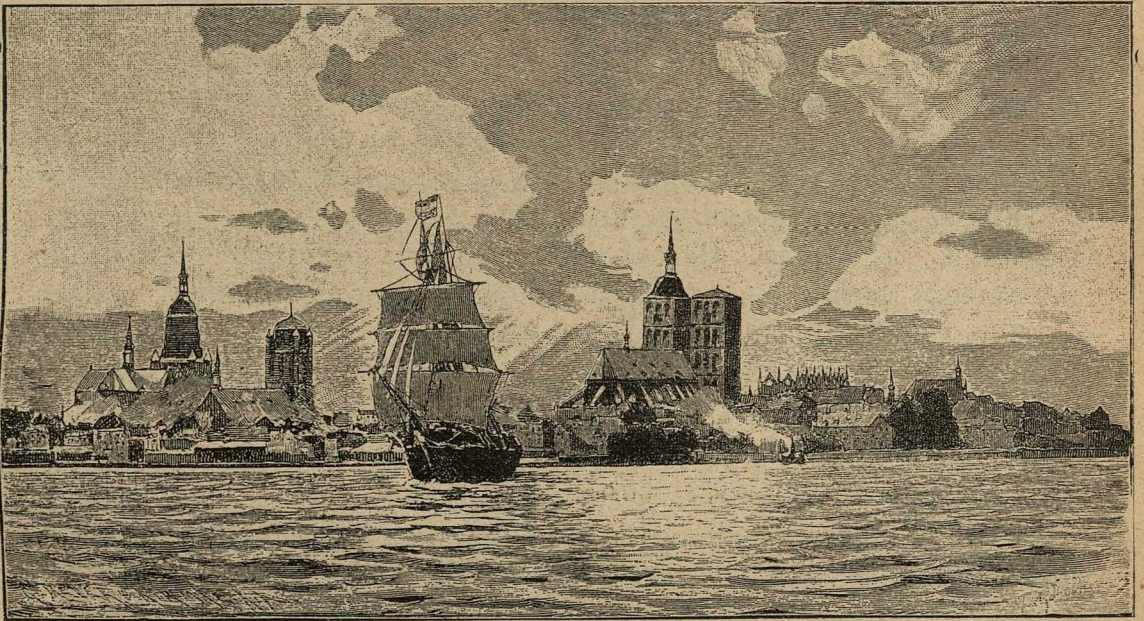
„Вотъ хорошо будетъ здѣсь отдохнуть“, подумалъ онъ, оставившись и слѣзъ съ лошади.

Привязавъ затѣмъ коня къ дереву и положивъ около себя свои пожитки, онъ растянулся на травѣ и сталъ глядѣть въ безконечное, голубое небо. Было тепло, тихо, день склонялся къ вечеру и ве-

село щебетали птицы. Было что-то могучее и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное въ этомъ торжественномъ молчаніи безконечнаго вѣкового лѣса и въ этой безбрежной глубинѣ неба.

Какъ вдругъ невдалекѣ отъ принца нѣжно запѣлъ соловей. Принцъ вскочилъ, приподнялся на локоть и обернулся въ его

солнце окрашивало ихъ въ желтоватый цвѣтъ и отъ этого они казались еще прекраснѣе. Затѣмъ вѣтки у куста зашевелились, раздвинулись и изъ него вышла замѣчательной красоты дѣвушка. Она робко оглянулась по сторонамъ и нерѣшительно, точно боясь кого-то, вышла изъ куста. Вѣтви тотчасъ-же задвинулись и соеди-

Штральзундъ въ Пруссіи.

сторону. Это была какая-то необыкновенная, сладкая пѣсня, какой онъ не слышалъ еще никогда. Стараясь не проронить ни единого ея звука, принцъ хотѣлъ - было подняться и подойти поближе къ тому мѣсту, откуда пѣлъ соловей, но въ это время рощей невдалеко отъ него розовый кустъ вдругъ сразу весь покрылся пышными, душистыми цвѣтами. Заходившее

нились за ея спиной.

— Ужъ вечеръ... нѣжно произнесла она такимъ голосомъ, отъ котораго у принца затрепетало сердце.— Все стихло... Теперь Буйный вѣтеръ уже не обидитъ меня и я могу погулять одна...

И вдругъ глаза ея встрѣтились съ глазами принца. Она увидѣла, что это былъ тотъ, кого она такъ долго ожидала, она вспыхнула.

покраснѣла и стыдливо отступила назадъ. Въ восторгѣ и въ глубокомъ благоговѣннн, онъ вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ ней и, нѣмѣя передъ ея красотой, схватилъ ее за руку и едва нашель въ себѣ силы произнести:

— Милая дѣвушка, будь моею женой!

Она просто и искренно отвѣтила ему: — Хорошо!

И, позабывъ все на свѣтѣ, позабывъ, что говорила ему старуха, онъ склонился надъ ней и поцѣловаль ее въ щеку.

И вдругъ загудѣль вихрь, зашумѣли деревья и кустарники преклонились къ землѣ. Облакомъ промчалась надъ лѣсомъ пыль, цвѣты склонили свои головки и конь принца вздрогнулъ, боязливо зафыркаль и заржалъ. Сверкнула молнія на потускнѣвшемъ небѣ и глухо заворчалъ сердитый громъ.

— Это Буйный вѣтеръ!.. пугливо произнесла дѣвушка и еще далѣе отступила отъ принца назадъ.

И вслѣдъ затѣмъ самъ Буйный вѣтеръ со свистомъ и съ гуднѣемъ ворвался на полянку, на которой находились дѣвушка и принцъ, и злобно завертѣлся вихремъ и погналь вокругъ себя сорвавшіеся листья и цвѣты.

— Кто ты? закричалъ онъ принцу. — Какъ ты осмѣлился войти въ эти наши заповѣдныя лѣса? И ты осмѣлился подумать,

что эта дѣвушка когда-нибудь будетъ твоею женою? Этому не бывать никогда!

И онъ подскочилъ къ принцу, схватилъ его поперекъ тѣла, закружилъ его, завертѣль и, высоко поднявъ надъ лѣсомъ, помчалъ его куда-то далеко. Долго летѣль принцъ надъ полями, надъ лѣсомъ, надъ лугами и наконецъ опустился на землю около чьего-то крыльца. Онъ оглядѣлся и увидаль, что это его дворець, его садъ и что къ нему бѣгутъ его слуги и придворные и, полный удивленія, къ нему спѣшитъ его отецъ и не можетъ сдержать слезъ отъ радости, что видѣть своего такъ неожиданно возвратившагося сына.

— Твое мѣсто здѣсь! закричалъ принцу Буйный вѣтеръ и помчался обратно въ лѣсъ.

А добрый конь принца, увидѣвъ, что его хозяинъ куда-то исчезъ, понюхаль воздухъ, повелъ ушами и, почуявъ недоброе, сорвался съ привязи и поскакаль вслѣдъ за принцемъ домой.

Дѣвушка осталась одна и не знала, что ей дѣлать. Она вся трепетала отъ страха, какъ кончикъ травки, растущей на пути, и слезы катилась по ея нѣжнымъ щекамъ при одной только мысли о томъ, что можетъ погибнуть ея ненаглядный принцъ-Маринъ. И, полная боязни за себя и за него и опасаясь, какъ бы не возвратился обратно Буйный вѣтеръ и не

унесъ ее къ себѣ, она подошла къ Розовому кусту и сказала:—

— Кустъ, кустъ! Откройся скорѣ! Возьми меня къ себѣ!

И вдругъ изъ куста послышался голосъ:—

— Нельзя, дорогая принцесса!.. Теперь я уже не могу пріютить тебя въ своихъ вѣтвяхъ. Тебя поцѣловалъ молодой человѣкъ!

Дѣвушка вспыхнула отъ охватившаго ее стыда. Какъ это она могла позволить принцу ее поцѣловать? И не зная, что дѣлать, лишившись своего убѣжища и въ то-же время, боясь, какъ-бы не возвратился скоро Буйный вѣтеръ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Пойду къ нему... сказала она:—Пойду къ принцу!.. А если его уже нѣтъ въ живыхъ, то пойду къ его отцу, успокою его старость и замѣню ему дочь! И будетъ онъ глядѣть на меня и вспоминать о своемъ сынѣ, который погибъ изъ-за меня!

И она сдѣлала босыми ножками нѣсколько шаговъ еще дальше. Съ непривычки ей больно было ступать.

— Хоть-бы гдѣ-нибудь достать лапти или башмаки... подумала она.

И вдругъ глаза ея упали на оставленные принцемъ чулки.

— Надѣну эти чулки! сказала она.—Все-таки будетъ легче идти!

Она присѣла на траву и надѣла

чулки. И вдругъ она стала невидимкой. Она существовала, мыслила, она двигалась и говорила, но только ее не видѣлъ никто, и то мѣсто, гдѣ она была, казалось пустотой, и воздухъ былъ прозраченъ. Но она сама не знала этого и, все еще боясь, какъ-бы не возвратился Буйный вѣтеръ и не схватилъ ее и не унесъ, она съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнія взглянула въ послѣдній разъ на Розовый кустъ, простилась съ соловьемъ и, приглядываясь къ оставленнымъ лошадей слѣдамъ, отправилась въ далекій путь. Шла она, шла, позади нея остался дремучій лѣсъ, а затѣмъ потянулись поля, рѣки и луга, ей попадались навстрѣчу люди и звѣри, которые не замѣчали ея, а она все приглядывалась къ лошадинымъ слѣдамъ и думала о принцѣ и объ его отцѣ.

А тѣмъ временемъ въ лѣсъ возвратился Буйный вѣтеръ. Онъ промчался совсѣмъ близко отъ дѣвушки, но не замѣтилъ ея, и подлетѣлъ къ Розовому кусту.

— Выходи изъ куста! крикнулъ онъ ей.—Я больше ждать не хочу!

И изъ Розоваго куста послышался грустный голосъ:

— Ея уже больше здѣсь нѣтъ.

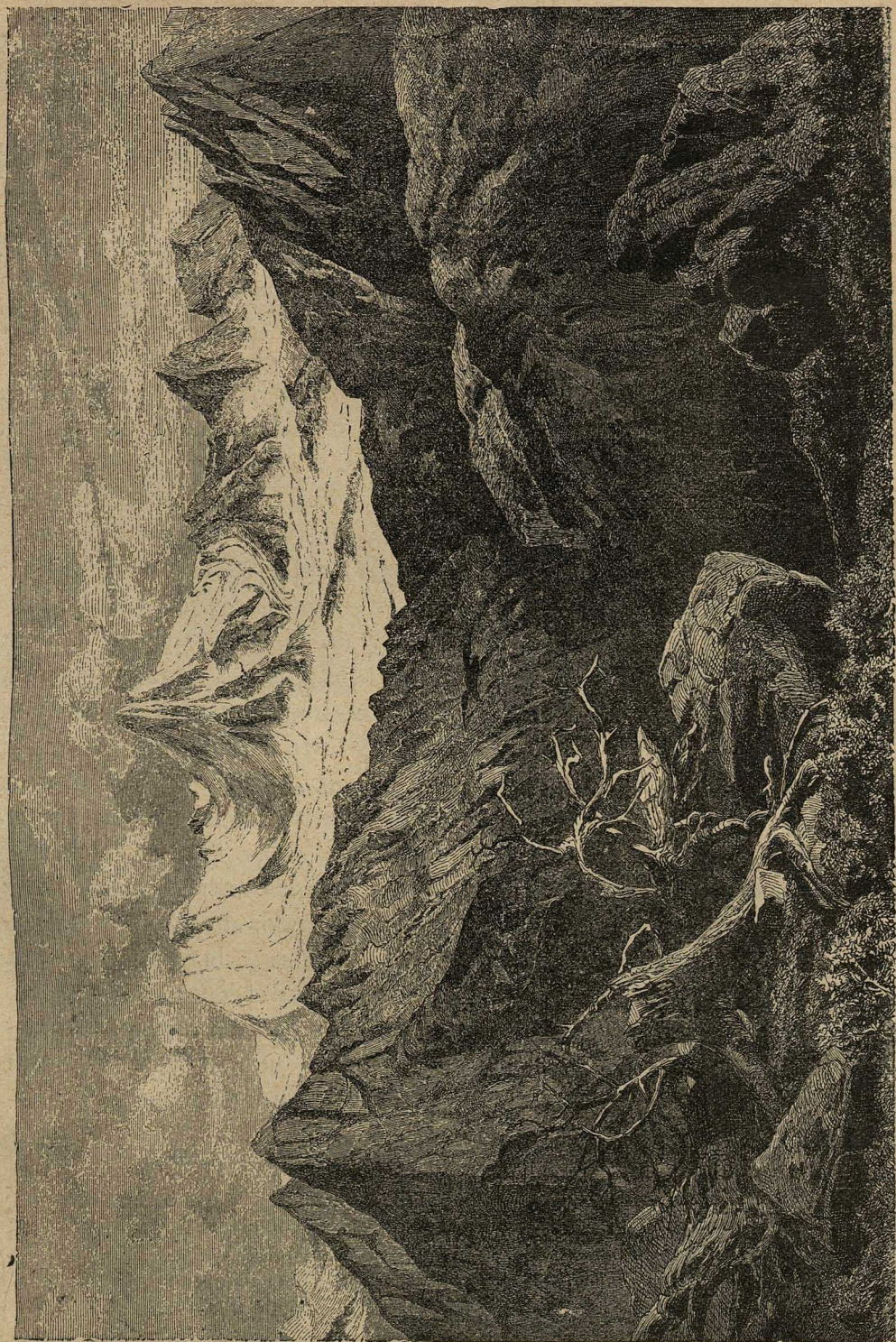
— Гдѣ-же она? загудѣлъ Вѣтеръ.

— Она ушла къ тому, кто ищетъ въ человѣкѣ человѣка, а не богатство и почетъ. Ты хочешь ее

Раненый солдатъ.

Ferd. Rindler

На неприступныхъ вершинахъ.

взять грубой силой, но она знаетъ, что сила не въ силѣ, а въ добротѣ.

Но Буйный вѣтеръ не далъ Розовому кусту договорить. Онъ подлетѣлъ къ нему, вырвалъ его съ корнемъ и бросилъ на землю. Затѣмъ онъ дунулъ на прекраснаго соловья, вспугнулъ его, разорилъ его гнѣздо и умчался далеко-далеко въ горы, гдѣ сталъ скатывать въ злобѣ скалы и вырывать съ корнемъ вѣковья, могучія сосны.

А дѣвушка все шла и шла и добрела наконецъ до дворца. Усталая, ослабѣвшая отъ длиннаго пути, она присѣла на ступени крыльца и оглядѣла на себѣ свою одежду. Вся она была въ клочьяхъ. Чулки износились за дорогу и изъ нихъ давно уже выглядывали пальцы и пятки. Она сняла ихъ и бросила въ уголокъ.

„Все таки такъ будетъ лучше, подумала она. — Лучше быть босою, чѣмъ ходить въ рваныхъ чулкахъ!“

И она сразу-же сдѣлалась видимой. Въ это время выходилъ на улицу принцъ Маринъ. Онъ увидѣлъ ее, узналъ и бросился къ ея ногамъ, Она обняла его за шею

и они долго сидѣли такъ вмѣстѣ на ступеняхъ и отъ радости плакали, плакали безъ конца.

А потомъ принцъ повелъ свою избранницу къ отцу.

— Вотъ моя жена! сказалъ онъ ему и придворнымъ.— Она боса и въ рваной одеждѣ, но лучшее ея украшеніе — это ея скромность и доброта.

Загудѣли трубы, заиграла музыка и всѣ стали поздравлять принца и молодую принцессу. Были затѣмъ посланы приглашенія на свадьбу безобразной старухѣ, жившей въ избушкѣ на опушкѣ лѣса, и маленькому старичку, вязавшему на пасѣкѣ чулки, и скоро они пріѣхали въ золоченыхъ каретахъ и на снѣжно-бѣлыхъ коняхъ. Теперь это были уже не старуха и старикъ, а блестящій принцъ и принцесса, которые радовались, что вмѣстѣ съ дѣвушкой-невѣстой избавились отъ колдовства и они сами, и которые нѣжно ее любили.

А затѣмъ сыграли свадьбу. Всѣмъ было весело и никому и въ въ голову не приходило, что могло-бы быть иначе и что принцъ могъ-бы жениться на другой.

К. Тр.

Рѣшеніе головоломкѣ и ребуса № 12, помѣщенныя въ № 12 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: 1) Негръ сталъ круглымъ спиртой. 2) Отъ земли. 3)...паста+на (пастила), а+на+насть (ананасъ)... кара+мель (карамель)... груша... орѣхи... мали+на (малина), клубни+ка (клубника), слива... 4) шляпа, деревня и бумага имѣютъ поля. 5) Изъ буквѣтъ—е—л—ъ—г—а.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Тосенька Русакова, Витя Соколовъ изъ Бобылевк., Марія Орлова, Володя, Лиза, и Толя Фаасъ, Таня Леонтовичъ въ Ментолѣ (Франція), Люба Титоровъ, Ваня, Лена и Ксенія Антоновы, Нина и Таня Козловы, Миша Бессарабовъ, Клея и Володя Алевскіе, Ел. Як. Гемборждецкая-Панова, Шура и Маруся Шенябины, Серафимъ Важинскій, Рома, Висса и Валя Григорьевы, Валя Туркевичъ и ея тетка, Нюня и Роза Шерстинскія, Володя Заксъ, Дѣти Марковниковы и ихъ мама, Коля Глѣбовъ, Паня, Мпня и Толя Туленковы, Илья Швейцеръ, Коля Покровскій, Борисъ и Вѣра Жигловы, Зоя Домбровская, Ксана, Аденька, и Витенька Фибихъ, Федя и Глаша Титовы, Катя Симеонова, Альфредъ и Владиміръ Зебауэръ, Соня и Нина Конашинскія, Сережа, Игорь и Лина Халтурнины, Клава и Паша Фомины, Веніаминъ и Госифъ Бурштейны, Коля Страдомскій, Андруша Федотовъ—донской казачекъ и его кузина Лиза Ридикюль. Дмитрій Дзѣвановскій, Сережа Гульянцъ, Катюша Коченова, Алексій Пичугинъ, Вадя и Шува Кардасъвичи, Таня Александрова, Анатолій Важинскій, Оля и Вѣра Михайловы, Женя Агапѣевъ, Шура и

Маруся Лавриненко, Нади Розенблитъ, Пантелеймонъ и Валерій Поляковы, Жоржикъ Гладкевичъ, Женя, Толя и Володя Радченковы, Тоня Попелишева, Зина Казанская, Аля Быкова и Вѣра Кобылинская, Толя и Паша Булгаковы, Саша Замяткинъ, Валечка Черняховская, Вени Церасъ, Леля Ефимовъ, Жердочка изъ Благовѣщенска. Шура, Борисъ и Владиміръ Приходько, Зоя Адамовичъ, Ника и Ната Романовскіе, Коля Пустоваловъ, Нина и Юра Горѣловы, Саша Аваевъ, Николай Бауманъ, Танечка Долганова, Вѣрочка и Шура Пушкаревы, Нади и Маруся Кошко, Вѣрочка Каверзнева, Варя, Леля и мама Иляхинскія, Зоя Дембровская, Гриша и Зента Шмидтъ, Витя Гродзинскій, Геня и Нона Церетели, Лена Петропавловская, Шуръ и Маруся Шенябины, Ляля, и Гугу Сурины, Валя Туркевичъ и ея тетка. Алеша Алейниковъ, Славикъ Неудачинъ, Варя Наумова, Михаилъ Брамсонъ, Вѣра и Борисъ Антоновы, Кирилъ Велдчковскій, Миллица Чегодаева, Чижикъ Матвѣева, Эльза Якубовичъ, Юра и Леля Эльяшевичъ, Сережа и Шурикъ Фохты, Лиза, Бува и Толя Фаасъ, Сережа Стратоновичъ, Арся Розановъ, Шурочка, Ниночка, Лиденька, Серафимчикъ, и ихъ мама Протопоповы, Зоя и Агньюша Лавровы, «Зеленая Лягушка», Шура и Володя Омины, Мила Ханжа, Лена и Боря Каменецкіе, Тоня и Витя Духовскіе, Лиля, Женя и Ваня Татариновы, Таля и Шура Стратонитскіе, Лена и Нура Наумовы, Володя Шурыгинъ, Н. фонъ-Бринкманъ, Юля Эрдманъ, Саша Никифоровъ, Лери Крикмейеръ, Танечка Долганова, Шура Брукъ, Лена, Оля и Катя Костеничъ, Кто-то безъ подписи, Галя Омина.

 Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ отъ прежнихъ годовъ изданія картонажи — *приложенія для склеиванія* (домики, экипажи и т. п.) высылаются Редакціей по цѣнѣ **60 копѣекъ** съ пересылкой за каждыя **десять штукъ**. Менѣ десяти штукъ за одинъ разъ не отпускаются. Выписывать изъ Редакціи „Золотого Дѣтства“.

 Дчехъ рекомедуется! книга для дѣтей: Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи Журнала «Золотое Дѣтство».

С.-Петербургъ Каменноостровскій, 26

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Ребусъ № 14.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

